

ловек должен был основательно попрактиковаться в изображении их на коре, листьях, дереве и лишь затем, когда уже сформировалась некоторая традиция, переносить письмена на камень и металл.

Вернемся, однако, на греческую почву. Общее состояние грамматики, сложившееся ко времени Писистрата, соответствовало уровню всех прочих наук и ремесел, развиваемых древним обществом, — навигации, портновского и сапожного дела, строительного искусства, земледелия и др. Вопрос о том, как именно называть эти области знания, к числу которых относилась и грамматика, — наукой ли, искусством, как это делали сами греки, по-видимому, не представляет особой важности. Впрочем, вернее все-таки говорить о науке, имея в виду, что термин «искусство» в наши дни получил более узкое значение. Итак, грамматика по своей форме ничем не отличалась от прочих наук, а в характеристике этих наук существенной чертой был упор на традицию и видимое отсутствие общей теоретической базы. В этом плане древние науки значительно отличаются от современных; однако и современные науки далеко не все переросли это первоначальное состояние. К числу скроенных по древнейшим традиционным образцам наук следует, по всей видимости, отнести филологию, медицину, право, равно как и многие более специальные технические дисциплины.

Существенный сдвиг в характеристике научного знания связан с событием, прямо не относящимся к собственному развитию наук, — имеет в виду возникновение философии. Только с возникновением философии появляется *теоретическая* наука, формируется новый образец научного знания, целостный и взаимосвязанный.

§ 3. Обретение теории

Проблема возникновения философии

Коренной переворот в структуре человеческого знания, получивший поэтическое наименование «перехода от мифа к логосу», по сей день остается загадкой. Что именно вызвало появление философии? Каков непосредственный источник ее возникновения? На сей счет существует множество гипотез, от более-менее спокойно-

традиционных до крайне экстравагантных. Любопытно, что само по себе возникновение философии оказывается не исторической, а именно философской проблемой, что, собственно говоря, и затрудняет ее решение, ведь всякое определенное философское направление склонно свойственным только ему образом оценивать и саму сущность философии, и вопрос о происхождении философии³⁰.

Круг замыкается, и пытающаяся определить свое начало философия оказывается в роли символической змеи, кусающей себя за хвост, если, конечно, уместно начало сравнить с хвостом. Сама формулировка «переход от мифа к логосу», которой обычно характеризуют возникновение философии³¹, уже предполагает некую теоретическую подоплеку, а именно, взгляд, согласно которому «логос» пришел на место «мифосу»³². Однако очевидно, что логос вовсе не вытеснил миф, а лишь вторгся, если так уместно выразиться, на его территорию. Философия отнюдь не упразднила миф, который продолжал, да и продолжает жить по своим собственным законам. С другой стороны, сам по себе миф вовсе не составляет достаточного условия для возникновения и развития философии: каждый народ, каждое племя имеют свою мифологию, но нигде ни до, ни после греков миф не становился отправной точкой развития рациональной культуры.

Может быть, дело в особенностях именно греческой мифологии, весьма поэтической и художественной? Едва ли. Дело в том, что поэтизация греческих мифов есть результат уже иной культуры, развившейся не без влияния «логоса», что же касается древнейших, архаических мифов, то они формально не отличались от мифов соседних с греками народов. Впрочем, взаимоотношения мифа и поэзии — отдельный вопрос. Поэзия, как предполагают, развилась

³⁰ «Однако, что есть философия — вопрос до сих пор нерешенный, и ответ на него может дать лишь результат, достигнутый самой философией» (Ф. Шеллинг. Система трансцендентального идеализма // Шеллинг Ф. В. Й. Соч. М., 1987. Т. 1. С. 248). С этой мыслью Шеллинга, высказанной два века назад, вполне можно согласиться и теперь.

³¹ Именно так, к примеру, называются известный труд В. Нестле (1942) и произведение нашего соотечественника Ф. Х. Кессиди (1979), оба посвященные проблеме возникновения философии.

³² И то, и другое могут быть переведены на русский как «слово», но в одном случае мы имеем слово, близкое к рассказу, повествованию, преданию, а в другом — слово как суждение, утверждение, даже расчет.

именно из мифа, но отнюдь не всякий миф поэтичен. Что же касается философии, то она появилась скорее как противодействие мифической поэзии, чем как ее развитие.

Ведь именно поэты, причем поэты-теологи (лирическая поэзия появилась позже), были излюбленной мишенью критики для первых греческих философов. Хорошо известна позиция, занятая Платоном в «Государстве» и высказанная им в других диалогах, однако сходного мнения держались и другие знаменитые мудрецы: Гераклит, Парменид, Анаксагор, так что противостояние философии и поэзии не является чем-то случайным. С другой стороны, и сами сторонники поэзии не оставались в долгу, осыпая философов язвительными поговорками: «...Мы добавим еще, что искони наблюдался какой-то разлад между философией и поэзией. Многочисленные поговорки, такие как, например, “это та собака, что лает и рычит на хозяина”, или “он велик в пустословии безумцев”, или “толпа мудрецов одолеет [и Зевса]”, или “они вдаются в мелочи, значит, они нищие”, и тысячи других свидетельствуют об их стародавней распре», — пишет Платон³³. Первая поговорка призвана подчеркнуть древность ритуальной поэзии по сравнению с философией, третья указывает на нетрадиционное рассмотрение философами вопросов религии, четвертая отмечает естественное различие в методах изложения. При всем своем недоброжелательном отношении к философии эти поговорки все же довольно точно передают различия соответствующих сфер духовной жизни.

Еще в меньшей степени, чем поэзия, могла оказаться причастной к возникновению философии древнегреческая наука. Представляя собой набор зачастую совершенно случайно полученных сведений, предфилософская наука едва ли была способна своими собственными средствами выработать целостный, единый методологический взгляд. Пожалуй, еще более невероятны предположения сторонников экономической гипотезы возникновения философии, распространенной в прошлом веке. Согласно марксистской интерпретации экономической гипотезы, философия как «особая форма общественного сознания» возникает в период формирования рабовладельческого общества. Близка к экономической и социально-политическая трактовка происхождения философии, которая связывает это происхождение с формированием демократических ин-

³³Государство, 607 b-c (пер. А. Н. Егунова).

ституты власти. Однако ни ту, ни другую трактовку нельзя признать удовлетворительными, т. к. рабовладение известно с древнейших времен, и у самых дичайших народов, то же самое можно сказать и о демократии, которая к тому же скорее может способствовать формированию демагогической риторики, как мы это наблюдаем на практике, но едва ли возникновению философии.

Занимавшийся проблемой возникновения философии советский исследователь А. Н. Чанышев³⁴ выделяет три ее источника: мифологию, науку и «обобщения обыденного сознания». Однако во время возникновения философии наибольших успехов добились наука египетская и вавилонская, в то время как греки и близко не подошли к результатам древних цивилизаций; мифология, как уже говорилось, была, очевидно, у всех древних народов, и не менее, а то и более изощренная, чем у греков; об «обобщениях обыденного сознания» вообще не стоит и говорить. Далее Чанышев пишет: «Процесс возникновения философии в общей форме нам представляется как разрешение противоречия между мифологическим мировоззрением и новым мышлением». Но, во-первых, мифология отнюдь не была вытеснена философией, а во-вторых, кто определит, что же это за «новое мышление», в чем оно заключается и где его истоки? В вавилонской науке и обобщениях обыденного сознания? Загадки так и остаются загадками.

Оставляя на суд пристрастных исследователей прочие гипотезы возникновения философии (выводящие ее, к примеру, из «духа мистики», как К. Йоль, или из «художественных сравнений», как Ф. Х. Кессиди и др.), обратимся к непосредственному рассмотрению того, что же именно привнесли первые философы в науку о языке. Как говорилось выше, одним из первоначальных стимулов раннего философствования была критика теологической поэзии, затрагивающая как само содержание творений Гомера и Гесиода, так и особенности их стиля. При этом, надо заметить, сами первые философы также пытались излагать свое учение в поэтической форме, по-прежнему придерживаясь еще архаического представления о необходимости говорить особым языком об особо возвышенных предметах. Тем не менее, уже Фалес Милетский, с именем которого и связывают обыкновенно начало философии, пытался ограничить суесловие поэтов: «Много слов отнюдь не выражают мудрую

³⁴ Чанышев А. Н. Эгейская предфилософия. М., 1970. С. 198.

мысль. Ищи одну мудрость, выбирай одно благо: так ты заткнешь бесконечно речивые языки болтунов»³⁵.

Путь истины и путь мнения

Философия, таким образом, пыталась обрести собственный стиль, собственный единый метод — «одну мудрость». И одним из ключевых моментов на этом пути было учение Парменида, где общее для первых философов недоверие к слову поэтов достигает, пожалуй, своей кульминации. Основой рассуждения Парменида стало оказавшееся впоследствии существенным элементом всякого философствования разделение единой непреложной истины и многих правдоподобных мнений:

«Радуйся! Ибо тебя не злая Судьба проводила
Этой дорогой пойти — не хожено здесь человеком —
Но Закон вместе с Правдой. Теперь все должен узнать ты:
Как убедительной Истины непогрешимое сердце,
Так и мнения смертных, в которых нет верности точной.
Все ж таки ты узнаешь и их: как надо о мнимом
Правдоподобно вещать, обсуждая все без изъятия»³⁶.

Итак, путь подлинной философии — это путь Истины, противопоставляющей себя разноречивым мнениям. К каким же результатам приводит Парменида путь Истины?

«Можно лишь то говорить и мыслить, что есть; бытие ведь
Есть, а ничто не есть: прошу тебя это обдумать.
...
...Ибо нет и не будет другого
Сверх бытия ничего: Судьба его приковала
Быть целокупным, неподвижным. Поэтому именем будет
Все, что приняли люди, за истину то полагая:
“Быть и не быть”, “рождаться на свет и гибнуть бесследно”,
“Перемещаться” и “цвет изменять ослепительно яркий”»³⁷.

Итак, согласно истине существует лишь единое, целокупное,

³⁵ Диоген Лаэртский, I, 35. Цит. по: Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989. Ч. 1. С. 103 (пер. А. В. Лебедева).

³⁶ Парменид. О природе, фр. 1, 26–32.

³⁷ Там же, фр. 6, 1–2; 8, 35–40.

неподвижное бытие. Напротив, все, что связывается с множественностью, разделением, движением, так или иначе необходимо причастно небытию, но бытие есть, небытия нет. Смешение бытия с небытием и образует, собственно говоря, путь мнения, представленный во второй части поэмы Парменида. А если бы речь человека следовала исключительно пути истины, то высказать ложное суждение вовсе было бы невозможно. Однако наличие ложных высказываний указывает на определенную раздвоенность речи, отражающей смешение бытия с небытием; отсюда присутствие в языке пустых имен, по истине ничего не выражающих.

Обратим теперь особое внимание на 6-й фрагмент поэмы: «Можно лишь то говорить и мыслить, что есть...». Именно здесь, пожалуй, впервые в истории мысли проводится отчетливое разделение трех взаимосвязанных сфер: бытия, мышления и языка. Дело в том, что изначальное, архаическое отношение к слову предполагало практическое тождество слова и мысли³⁸, что совершенно не устраивало как раз Парменида, подчеркивавшего, напротив, тождество бытия и мысли (знания). А для того чтобы объяснить существование многих несообразных с бытием слов («рождаться», «гибнуть» и т. п.), Парменид и вводит посредство мысли-мнения между словом и бытием. Многие слова таким образом, оказывается, обнаруживают свое основание не в вещах, а лишь во мнении — так утверждается разрушение архаической парадигмы «слово-вещь».

Парадоксальные следствия учения Парменида о пути истины — отсутствие движения, невозможность делимости, утверждение единого, неподвижного бытия — составили возможность для оформления особой системы аргументации, ориентированной, прежде всего, на доводы разума, а не чувства. Попытку создания подобной системы доказательства и предпринял ученик Парменида Зенон³⁹. Надо сказать, что само по себе противопоставление разума и чувства не является, конечно, изобретением элеатов. Подобные различения мы можем найти у многих ранних философов, особенно подчеркивал это разделение Эпихарм.

Заслуга Зенона видится в другом — в развитии собственно технической стороны дела, в утверждении особых правил и техники

³⁸Этот вопрос детально исследован применительно к античности М. Краусом (см.: *Kraus M. Name und Sache. Amsterdam, 1987*).

³⁹Первым диалектиком называет Зенона Аристотель (см.: Диоген Лаэртский, IX, 25; *Секст Эмпирик. Против ученых, VII, 7*).

обращения с доводами разума. Так, собственно говоря, и возникла диалектика, а философия обрела с этих пор надежный инструмент обоснования своих положений. Упрощенно схему Зеноновых рассуждений можно выразить следующим образом: «Допустим, что А. Но если А, то В. И если А, то не-В. Значит, не-А». В качестве А принимается, как правило, то, о чем свидетельствуют чувства, например, положение: «движение существует». Следующие за А доводы должны показать противоречивость следствий, получаемых из А, наконец, заключение ведет к отрицанию первоначально принятого А.

На практике Зеноновы рассуждения представляли, как следует предположить, последовательность вопросов и ответов, причем вопросов, предполагающих ответы «да» либо «нет». Зенон первым стал записывать такие беседы, чем было положено начало жанру диалога⁴⁰, впоследствии столь мастерски развитому Платоном. Отсюда, диалектикой стали называть особое искусство ведения беседы, в ходе которой каждое исходное положение может быть оспорено как истинное или ложное. Соответственно, «диалектическим» считался только такой вопрос, на который можно ответить либо «да», либо «нет». Кроме того, специфически диалектическим считался именно метод косвенного доказательства, преимущественно используемый Зеноном⁴¹, так что даже сама диалектика отождествлялась на заре своей истории именно с косвенным доказательством⁴². Будучи по своему характеру именно словесной дисциплиной, диалектика так или иначе уже вначале своего пути включала в себя и возможности исследования слов. Неизвестно точно, что сделал в этом направлении Зенон, но его последователи значительно продвинули заданное им направление.

⁴⁰См.: Диоген Лаэртский, III, 48.

⁴¹Элементы косвенного доказательства можно найти еще у Ксенофана Колофонского, предполагаемого предшественника элеатов: «Допустим, что богов много, — рассуждает он. — Если при этом они в одном будут превосходить друг друга, в другом — уступать, то они не будут богами, потому что божество по своей природе не терпит над собой господства» (фр. 28, 4. Цит. по: Фрагменты ранних греческих философов. . . С. 160). Следовательно, Зенон, главным образом, развил и популяризировал известные уже способы доказательства.

⁴²См.: *W. M. Kneale. The development of Logic. Oxford, 1964. Pp. 8–9.*

Диалектика софистов

Следующий мощный импульс своего развития диалектика получает благодаря софистам — новому поколению философов. Технике элейской школы развивает Горгий, автор сочинения «О природе, или о несуществующем»; более оригинальные методы предлагает знаменитый Протагор, создатель «учения о правильности имен» (ὀρθότης ὀνομάτων); его продолжает Продик, учитель Сократа. Между тем, формально следуя диалектике элеатов в содержательной, так сказать, догматической части своего учения, софисты стояли практически на прямо противоположных позициях. Горгий, пользуясь техникой зеноновских доказательств, развивает свой знаменитый трехчастный тезис: «Ничего не существует. Если бы нечто и существовало, то оно было бы непознаваемо. Если бы нечто и было познаваемо, то оно было бы невыразимо»⁴³, — фактически прямо противопоставляя свою мысль позиции Парменида. Протагор в своем сочинении «Истина» отвергает «путь истины» Парменида в качестве единственного и склоняется на сторону «пути мнения», выдвигая положение: человек есть мера всех вещей, из которого следует, что сколько людей, столько существует и истин.

Однако именно софисты придали диалектике более независимый характер, ведь у Зенона диалектическое искусство еще очень тесно связано с одним-единственным учением — философией Парменида. Пример же софистов показал, что диалектика есть нечто более универсальное, и она не связана непосредственно с каким-то конкретным учением. К заслуге Протагора следует отнести то, что он увидел в предложенном Зеноном и элеатами методе прежде всего его формальную сторону и, таким образом, превратил диалектику в особое словесное искусство — искусство спора, Τέχνη ἔριστικῶν, как и было озаглавлено его сочинение, которое, по-видимому, явилось первым в истории мысли специальным трудом, посвященным диалектике.

Одна из основных идей, руководивших Протагором (как, впрочем, и другими софистами), была достаточно проста и элегантна: поскольку любые учения так или иначе выражаются при помощи слов, то почему бы не воспользоваться этим обстоятельством

⁴³Горгий в изложении Секста Эмпирика, Против ученых, VII, 65 (здесь и далее цитаты из сочинений Секста Эмпирика: приводятся в переводе А. Ф. Лосева).

и не строить, соответственно, свою критику этих учений на основе формального анализа используемых средств выражения? На основе этой идеи, которой он дополнил диалектику Зенона, и было построено, судя по всему, Τέχνη ἑριστικῶν. Именно пользуясь новообретенным методом анализа слов, получившим наименование «правильности имен» (ὀρθότης ὀνομάτων), Протагор и составил себе известность, оказавшись во многих вещах первым. Так, по свидетельству Диогена Лаэртского, Протагор «первым заявил, что о всяком предмете можно сказать двояко и противоположным способом, и сам первый стал пользоваться в спорах доводами... Он первый стал брать за уроки плату в сто мин; первый стал различать времена глагола и точно выражать время действия; стал устраивать состязания в споре и придумал уловки для тяжущихся; о мыслях он не заботился, спорил о словах... Он же первый ввел в употребление и сократический способ беседы, и первый применил в споре антисфеновский довод, по которому должно получаться, что противоречие невозможно, и первый указал, как можно оспорить любое положение...»⁴⁴.

Суть созданной Протагором науки о правильности имен⁴⁵ заключалась, как следует предположить, в установлении значений используемых слов, что успешно могло быть применено при необходимости опровергнуть какой-либо тезис. Именно пользуясь методом правильности имен, Протагор имел возможность, акцентируя внимание на словах, опровергать любое положение. Но тщательное исследование словесных значений дало возможность и для проведения определенной классификации слов — так, в частности, Протагором были выделены роды имен (женский, мужской и средний, или вещный) и времена глаголов (прошедшее, настоящее и будущее). Целью проведения подобных различий, очевидно, было стремле-

⁴⁴Диоген Лаэртский, IX, 51–53 (здесь и далее цитаты из Диогена Лаэртского приводятся в переводе М. Л. Гаспарова). Обращает на себя внимание, что введенные Протагором метод беседы и его довод называются не «протагоровскими», а «сократическими» и «антисфеновскими», в чем, как следует предположить, сказались известная критика софистики Сократом, Платоном и Аристотелем.

⁴⁵Иногда чересчур упрощенно правильность имен связывают только с этимологией (некоторые основания для чего находят в «Кратиле»), но, во-первых, «Кратил», как ясно сказано самим Платоном, не отражает правильности имен, о которой учили Протагор и Продик, а во-вторых, вообще неизвестно, пользовался ли в действительности Протагор этимологиями.

ние использовать их для опровержений в спорах. При этом Протагор, похоже, не следовал в своем разделении родов простому наблюдению за языком и установившемуся обычаю употребления слов, а связывал его со своими собственными теоретическими основаниями. Например, слова, более, по мнению Протагора, приличествующие мужчине, он относил к мужскому роду, а те, что более приличествуют женщинам, — к женскому, т. е. принцип деления у него был семантический. Так, по крайней мере, свидетельствует Аристотель: «Протагор говорил, что $\mu\eta\nu\iota\varsigma$ [гнев, злоба] и $\pi\acute{\eta}\lambda\eta\zeta$ [шлем, каска] — мужского рода. Кто $\mu\eta\nu\iota\varsigma$ называет $\omicron\upsilon\lambda\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\eta\nu$ [пагубной], тот, по Протагору, ошибается, хотя остальным это не кажется так, а кто называет $\omicron\upsilon\lambda\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\nu$ [пагубным], тот, видимо, допускает ошибку, хотя, [по Протагору,] он ошибки не делает»⁴⁶.

Кроме того, Протагор, по сообщению Диогена Лаэртского, разделил речь на просьбу, вопрос, ответ и приказание. Из этих четырех видов два средних — вопрос и ответ — непосредственно характеризовали формальную сторону диалектики. Разделение просьбы и приказания Протагор, по свидетельству Аристотеля, иллюстрировал на примере первой строки «Илиады», упрекая Гомера за то, что он обращается к Музе с приказанием вместо просьбы: «Гнев, богиня, воспой...»⁴⁷. Другим важным нововведением Протагора было различие времен глагола, о чем также сообщает Диоген Лаэртский (IX, 52). Сам факт того, что речь идет о временах глагола, позволяет предположить, что у Протагора уже присутствовало и какое-то учение о частях речи.

Таким образом, проведенная софистами «эмансипация» диалектики в отношении учения элейцев позволила более глубоко рассмотреть техническую сторону диалектического искусства и попутно заложить основы языковой теории, ставшей с этого момента непременной частью диалектики. Известным продолжателем Протагора был софист Продик, также занимавшийся вопросами правильности имен. Особое значение он придавал исследованию близких по значению слов — синонимов. Именно эта слава исследователя синонимов и закрепилась за Продиком в новейшей исследовательской литературе. Тем не менее, учение Продика о правильности имен, очевидно, не сводилось к исследованию синонимов, но последнее

⁴⁶О софистических опровержениях, 173b 15–25 (здесь и далее цитаты из трактата «О софистических опровержениях» приводятся в переводе М. И. Иткина).

⁴⁷Поэтика, 1456b 15 (пер. М. Л. Гаспарова).

было, по всей видимости, лишь одним из методологических приемов, использовавшихся Продиком.

Среди других софистов, занимавшихся исследованиями речи, следует указать на Трасимаха, исследовавшего главным образом риторические проблемы, Гиппия, выпустившего сочинение «Названия народов», и Антифонта.

Исследование возможностей первой грамматики

Наука о правильности имен и произведенные Протагором деления, разумеется, выходят за рамки первой грамматики как учения о буквах. Тем не менее, и собственно первая грамматика сохраняла до некоторой степени свою привлекательность для некоторых философов. Попытки каким-то образом систематизировать алфавит, выделить какие-то закономерности, по-видимому, производились уже во времена Протагора, если не раньше. Особый интерес к материальной природе слова демонстрировали, прежде всего, пифагорейцы, а затем Гераклит и Демокрит. Все эти философы, надо сказать, достаточно много заимствовали из методов поэзии, и в этом смысле они являются прямой противоположностью элеатам, старавшимся построить (в лице Зенона) более совершенную систему аргументации.

В числе пифагорейских акусм есть такая: «Что самое мудрое? Число. А на втором месте тот, кто нарек вещам имена»⁴⁸. Подобно поэтам-теологам, древние пифагорейцы занимались и этимологиями, касающимися, главным образом, имен богов⁴⁹. Кроме того, известно, что некоторые свои идеи пифагорейцы выводили (или подтверждали) из созвучия имен; в известном фрагменте Филолая говорится: «Свидетельствуют и древние богословы, и прорицатели, что в наказание за что-то душа сопряжена с телом (σῶμα) и похоронена в нем, как в могиле (σῆμα)»⁵⁰.

По сообщению Аристотеля, отдельным буквам и всему порядку алфавита пифагорейцы придавали особые, мистические свойства. Как он отмечает, «Ξ, Ψ, Ζ они объявляют созвучиями, и так как музыкальных созвучий три, то и этих звуковых сочетаний, по их

⁴⁸Фрагменты ранних греческих философов. С. 488.

⁴⁹Kraus M. Op. cit. S. 39–40.

⁵⁰Фрагменты ранних греческих философов. Фр. 14. С. 443. — Это учение разделялось также и орфиками.

мнению, тоже три, а что таких сочетаний может быть бесчисленное множество, это их мало заботит (ведь ГР также можно было бы обозначить одним знаком) ... и равным образом утверждают, что расстояние в алфавите от альфы до омеги равно расстоянию от самого низкого звука в флейтах до самого высокого, причем у этих последних число равно всей совокупной гармонии небес»⁵¹. Особое значение придавалось даже пропорции деления букв на гласные, полугласные и безгласные: 7, 8 и 9. Так, в представлении пифагорейцев, греческая 24-буквенная система алфавита являла собой некое мистическое совершенство, практически тождественное «гармонии небес».

Созвучиями слов интересовался и Гераклит Эфесский, подкрепляя ими свое учение о соединении противоположностей: «Луку (βίος) имя — “жизнь” (βίος), а дело — смерть» (фр. 39)⁵². Но наибольший интерес к проблемам языка и грамматики демонстрирует соотечественник Протагора Демокрит. В перечне его сочинений помимо книги «О логическом, или о правилах» присутствует целый ряд работ, посвященных теории поэзии и языка: «О ритмах и гармонии», «О поэзии», «О красоте речи», «О благозвучных и неблагозвучных буквах», «О Гомере, или о правильности речи и неясных словах», «О речениях», «Ономастика».

Символы алфавита, как и у пифагорейцев, служили Демокриту для обоснования своей доктрины. Атомы он уподобляет буквам: как из букв можно составить любое слово, так и из атомов составляются все вещи. Как сообщает Лактанций в своих «Божественных наставлениях» (III.17.23), «наученный Левкиппом Демокрит говорит, что атомы образуют сочетания, различающиеся по их порядку и положению. Подобно этому и буквы, хотя и немногочисленны, однако, располагаясь различным образом, составляют многочисленные слова. Но буквы имеют различные формы. Также, говорит он, и сами эти первоначала»⁵³. Особенности соединения атомов Демокрит сводил к «фигуре», «способу соединения» и «повороту», иллюстрируя их также примерами букв: А и N различаются фигурой, AN и NA — способом соединения, а I и H — поворотом. «Более того, — пишет И. Троцкий, — «грамматическая» теория устанавли-

⁵¹Метафизика, 1093а 15–30 (здесь и далее цитаты из «Метафизики» приводятся в переводе А. В. Кубицкого).

⁵²Фрагменты ранних греческих философов... С. 208.

⁵³Фр. 565 (пер. С. Я. Лурье). Цит. по: Лурье С. Я. Демокрит. Л., 1970.

вала трехстепенное членение: буква — слог — имя, и эта трехстепенность становится у атомистов моделью для иллюстрации того, как из атомов образуются простые тела, а из простых — сложные»⁵⁴. Остается под вопросом следующее: было ли привлечение грамматических данных простой иллюстрацией учения Демокрита, или же сама атомистика возникла как физическая интерпретация алфавитной системы? Как бы то ни было, интерес Демокрита к грамматике очевиден.

Еще один вариант рационализации первой грамматики предлагает Платон в своем «Кратиле». Здесь речь идет о том, что всякая буква имеет определенное, как бы элементарное значение, а из комбинации этих значений получаются значения слов, уже более сложные. Определенные Платоном значения букв таковы:

ρ — обозначает всякое движение;

ι — все тонкое, что могло бы проходить через вещи;

ψ, ζ, ζ — дышащие звуки, обозначающие сотрясение, вспенивание и подобные действия;

δ, τ — обозначают скованность, стояние;

λ — скольжение;

ν — препятствие;

ν — внутреннее и потаенное;

α — громадное;

η — величину;

ο — округлое⁵⁵.

Здесь важно подчеркнуть, что изложенная Платоном теория не является собственностью самого Платона и в тексте диалога, кстати говоря, им опровергается. Кому именно она принадлежит — каким-то наследникам пифагорейцев, Гераклита или Демокрита, сказать затруднительно. И. Троцкий считает ее несомненным развитием атомистической методологии⁵⁶, но М. Краус⁵⁷ решительно отвергает это утверждение. Впрочем, может быть, установление приоритетов здесь и не так важно. Важно другое: ни одна из вышеприведенных попыток рационализации первой грамматики не оставила никакого хоть сколько-нибудь заметного следа в становлении собственно научной теории языка. Напротив, многое из того, что

⁵⁴Троцкий И. Указ. соч. С. 21.

⁵⁵Кратил, 426c–427d (пер. Т. В. Васильевой).

⁵⁶Троцкий И. Указ. соч. С. 23.

⁵⁷Kraus M. Op. cit. S. 164–166.

предлагалось главным образом пифагорейцами, составило впоследствии один из существенных компонентов различных паранаучных и оккультных учений.

Проблемы языка в диалектике Сократа и сократиков

Следующий важный этап в развитии диалектического искусства связан с Сократом и его учениками. Подобно тому как диалектика софистов явилась своеобразным синтезом предшествующих учений, так и диалектика сократиков выступила как уже вторичное объединение элейского метода опровержений с софистическим словесным анализом. При этом общее представление о назначении диалектики еще более сближало Сократа с элеатами, т. к. одной из основополагающих идей афинского философа было стремление к ограничению независимости диалектики, подчинение ее целям общефилософского характера.

В этом смысле Сократ также выступил принципиальным оппонентом софистов, к заслугам которых, как отмечалось выше, относится упрочение независимости диалектического знания. Между тем общая критическая позиция отнюдь не мешала Сократу пользоваться теми методами аргументации, которые были разработаны именно софистами. В частности, и различные способы запутывания собеседника, и, что для нас особенно важно, софистическое учение о правильности имен, как следует из наших источников, составляли существенную часть общей методики рассуждений Сократа, прошедшего необходимую школу обучения «софистическим таинствам»⁵⁸. О том, что, подобно своему учителю Продику, Сократ любил рассуждать о правильности имен, сообщает и Ксенофонт⁵⁹.

Однако было и существенное различие в отношении к диалектике у Сократа и софистов. Если последние представляли диалектику как, прежде всего, словесное искусство (благодаря чему, собственно говоря, и были получены изложенные выше результаты Протагора), то, по мнению Сократа, диалектика должна быть ближе к вещам, чем к словам, а говоря точнее, диалектика, согласно Сократу, есть искусство распределения вещей по различным родам.

⁵⁸См., напр.: Хармид, 163d; Феаг, 123с.

⁵⁹Воспоминания о Сократе, III, 14.

Даже само значение слова «диалектика» Сократ, по свидетельству Ксенофонта, видел в том, что «люди, совещаюсь в собраниях, разделяют предметы по родам»⁶⁰. Поэтому основное направление сократовской диалектики — это поиск определений. По сути же, эта позиция представляется развитием учения Продика о правильности имен, продолжающего, в свою очередь, оригинальное учение Протагора, ведь практически все проблемы, связанные с определениями, так или иначе уже рассматривались в учении о правильности имен Протагора и Продика. Отличие последних от Сократа заключается лишь в том, что они не могли, по-видимому, указать какое-либо одно общее основание, исходя из которого можно было говорить об этой самой правильности имен, в то время как Сократ такое основание нашел, и им оказалось представление об иерархической структуре мира, где имена и вещи соотносимы с определенными родами, которые, в свою очередь, подчинены еще более общим родам.

Между тем выраженное Сократом стремление приблизить диалектику к общим, универсальным формам познания не было продиктовано чистым интересом к этой науке, но, напротив, следовало из убеждения Сократа в тождестве истины и блага, знания и добродетели. Поэтому Сократ, в отличие от софистов, оказался противником самостоятельного значения диалектики, настаивая на ее подчиненном характере. Так, Сократ говорил своему ученику Евклиду, знаменитому впоследствии основателю диалектической школы в Мегарах, оценивая его изощренность в рассуждениях: «С софистами, Евклид, ты сумеешь обойтись, а вот с людьми — навряд ли»⁶¹. Однако именно ученики Сократа существенно изменили дальнейший характер развития диалектики и, несмотря на противоположные намерения Сократа, окончательно упрочили эту самостоятельность, причем способствовали этому даже те, что сходились с учителем в вопросе о подчиненном положении диалектики, как, например, Платон. Поэтому и Аристотель, хотя и называет основателем диалектики Зенона Элейского⁶², в другом месте отме-

⁶⁰ τὸ διαλέγεσθαι ὀνομασθῆναι ἐκ τοῦ συνιόντας κοινῇ βουλευέσθαι, διαλέγοντας κατὰ γένη τὰ πράγματα (Воспоминания, IV, 12 (пер. А. И. Соболевского)). Интересно, что свой тезис о родовом назначении диалектики Сократ подкрепляет не чем иным, как аргументом о правильности имен.

⁶¹ Диоген Лаэртский, II, 30–31.

⁶² Там же, VIII, 25.

чает, что даже во время деятельности Сократа еще не было диалектического искусства как такового⁶³ — настолько велики оказались изменения, внесенные в диалектику сократиками.

Среди последних наибольший интерес к диалектическим вопросам проявили представители Мегарской школы, основанной Евклидом, которых зачастую называли просто диалектиками, а также эристикками (спорщиками) и антилогиками (возражателями). Среди знаменитых мегарских диалектиков — Евбулид, Диодор Кронос, Стильпон. Именно в силу своего предпочтения диалектики мегарики значительно отличаются от других сократиков и, соответственно, некоторым образом выпадают из той общей традиции, начало которой связывают с Сократом, более следуя его предшественникам. Если указывать непосредственные источники диалектики мегариков, то это элейская диалектика и диалектика софистов. О том, что основатель школы Евклид был знаком с сочинением Парменида, нам сообщает Диоген Лаэртский (II, 106), но и в самой постановке проблем мегарики они отталкиваются от апорий Зенона. От софистов же мегарики унаследовали их искусство спора, связанные с этим вопросы истолкования имен и весь круг проблем, имеющих отношение к этой области. Что касается влияния Сократа, то его следует видеть в предпочтении этических вопросов физическим, что, впрочем, составляет известное своеобразие как Сократа и сократиков, так и софистов.

Об ученике Евклида Клиномахе Фурийском сообщается, что тот первым стал писать об аксиомах и категориях (сказуемых)⁶⁴. Судя по всему, мегарики преимущественно исследовали структуру знаменитых элейских (да и своих, конечно, тоже) опровержений, придя к разложению их на «аксиомы», т. е. высказывания. Слово ἀξιώματα, несмотря на достаточную многозначность, предполагает наличие некоторой оценки (ἀξιόω — достаиваю, почитаю, считаю, полагаю и др.), которую, соответственно, можно интерпретировать как истинную или ложную. Выделяя аксиомы среди других словесных выражений, мегарики, несомненно, должны были также пользоваться

⁶³ «Между тем Сократ с полным основанием искал суть вещи, так как он стремился делать умозаключения, а начало для умозаключения — это суть вещи: ведь тогда еще не было диалектического искусства, чтобы можно было, даже не касаясь сути, рассматривать противоположности, а также познает ли одна и та же наука противоположности» (Метафизика, XIII, 4, 1078b 20–30).

⁶⁴См.: Диоген Лаэртский, II, 112.

какой-то классификацией видов речи, наподобие протагоровской, т. е. различать вопрос, просьбу и проч.

В своих опровержениях мегарики не пренебрегали и тем, что было введено Протагором и Продиком, — различением родов имен⁶⁵, времен глаголов, соединением и разделением имен и многим другим. Схожих взглядов придерживались и представители элидо-эретрийской школы, основанной Федоном, которую в отношении диалектики можно рассматривать как своеобразный филиал Мегар. В особенности это относится к тому периоду в жизни школы, когда она стала (по месту происхождения Менедема) из элидской эретрийской, ведь Менедем и его товарищ Асклепиад Флиунтский обучались диалектике у самого Стильпона⁶⁶. Менедем прославился в качестве искусного диалектика и как практик, и как теоретик, оригинально истолковывающий учение об аксиомах: «Говорят, он не признавал отрицательных аксиом и обращал их в положительные; а из положительных он признавал лишь простые и отвергал непростые, то есть составные (συνημένα) и сложные (σμιλλελεγμένα)»⁶⁷.

Как следует из сообщения Диогена о Менедеме, мегарцы различали утверждение и отрицание, а также простые, сложные и составные высказывания (аксиомы). Это, соответственно, предполагало выделение союзов, при помощи которых связывались бы между собой простые высказывания. Отметим также, что мегарикам были хорошо известны, по крайней мере, условное, разделительное и соединительное высказывания и их свойства. Обращает на себя внимание и различие выражения в речи совершенного и продолжающегося действия; дискуссия вокруг этого вопроса была подогрета оригинальным, но выдержанным вполне в духе элеатов аргументом Диодора Кроноса против движения: «ничто не движется, но бывает подвинуто»⁶⁸. Ему возражали, что истинность высказываний совершенного вида должна предполагать истинность несовершенного, на что Диодор приводил примеры истинного высказывания совершенного вида: *они женаты*, при ложном высказывании несовершенного вида: *они женятся*, и ряд других аргументов⁶⁹.

⁶⁵См.: Там же, II, 116.

⁶⁶Там же, II, 126.

⁶⁷Там же, II, 135

⁶⁸*Секст Эмпирик*. Против ученых, X, 85.

⁶⁹Там же, 91–103.

Среди других сократиков киники и киренаики оказались более приверженными собственно сократовскому представлению о диалектике. Соответственно, в этих школах продолжали практиковаться и элементы учения о правильности имен, и учение об определениях и разделениях. Несколько больший, чем киренаики, интерес к диалектике первоначально обнаруживали киники. Среди сочинений Антисфена есть несколько работ, специально посвященных вопросам диалектики: «Истина, или о диалектике», «О говоре», «Об употреблении имен», «О вопросе и ответе»⁷⁰. Следуя Сократу, Антисфен пытался избегать характерного для элеатов и мегариков способа построения опровержений и, напротив, придавал большое значение учению о правильности имен, определениям и разделениям.

Самый знаменитый ученик Сократа Платон также следовал учению о речи, которое было намечено еще Протагором, придавая ему, впрочем, лишь вспомогательное, предуготовительное значение. Специально софистической науке о правильности имен посвящен диалог «Кратил». В других произведениях Платон большое значение придает различию имени и глагола, полагая их соединение необходимым для создания всякого высказывания. О временах глагола он говорит как о чем-то уже хорошо известном, повторяя в отношении них протагоровское деление⁷¹.

В основе диалога «Кратил» лежит анализ излюбленного софистами противопоставления «по природе — по закону» применительно к происхождению и сущности имен. Позицию, согласно которой имена произошли и существуют по природе, т. е. отражают истинную природу вещей, выражает последователь Гераклита Кратил. На противоположной точке зрения, т. е. что имена соответствуют вещам по установлению, находится Гермоген. И, наконец, неким арбитром между спорщиками выступает Сократ; он последовательно беседует сначала с Гермогеном, затем с Кратилом. Весь диалог, таким образом, за исключением небольшой преамбулы, делится на две неравные части: 385–428 и 429–440. В первой части критикуется теория условной связи вещи и имени и излагаются аргументы в пользу происхождения имен от природы (как раз в поддержку этой точки зрения Платон приводит изложенное выше учение о значе-

⁷⁰См.: Диоген Лаэртский, VI, 16–17.

⁷¹См.: Парменид, 141e.

ниях букв), во второй — критикуется точка зрения происхождения имен по природе и подводятся итоговые выводы. Выводы эти в целом скептические: «Несвойственно разумному человеку, обратившись к именам, улаживать свою душу и, доверившись им и их присвоителям, утверждать, будто он что-то знает»⁷². Главный итог, к которому Сократ пытается подвести своих слушателей, таков: есть нечто поважнее имен; следует рассматривать прежде всего то, что стоит за и над именами — имеются в виду, конечно, идеи. Представляют интерес и многочисленные этимологии, которыми полна первая часть диалога; хотя видно, что, приводя их, Платон несколько иронизировал, все же их рассмотрение дает некое представление о технике этимологизирования во времена Платона.

Платоновское учение о частях речи изложено им в «Софисте», в той части диалога, где чужеземец, гость из Элеи, доказывает Теэте-ту возможность существования ложного мнения (259e–264b). Для того чтобы рассмотреть возможность сочетания слов между собой, Платон вводит различие имени (ὄνομα) и глагола (ῥῆμα):

«Чужеземец. ...У нас ведь есть двоякий род выражения бытия с помощью голоса.

Теэтет. Как?

Чужеземец. Один называется именем, другой — глаголом.

Теэтет. Расскажи о каждом из них.

Чужеземец. Обозначение действий мы называем глаголом.

Теэтет. Да.

Чужеземец. Обозначение с помощью голоса, относящееся к тому, что производит действие, мы называем именем»⁷³.

В основание этого деления, таким образом, положено различие действия и того, кто его производит: первому соответствует глагол, второму — имя. Деление это, впрочем, не интересует Платона само по себе, а приводится им лишь в поддержку следующего аргумента: речь (λόγος) не может быть составлена из одних имен или одних глаголов, а должна состоять, по меньшей мере, из одного имени и одного глагола: «Возьми, например, [глаголы] “идет”, “бежит”, “спит” и все прочие слова, обозначающие действие: если бы кто-нибудь произнес их по порядку, то этим он вовсе не составил бы речи... Таким же образом, если произносится “лев”, “олень”,

⁷²Кратил, 439c.

⁷³Софист, 261e–262a (здесь и далее цитаты из «Софиста» приводятся в переводе С. А. Ананьина).

“лошадь” и любые другие слова, обозначающие все, что производит действие, то и из их последовательности не возникает речь. Высказанное никак не означает ни действия, ни его отсутствия, ни сущности существующего, ни сущности несуществующего, пока кто-либо не соединит глаголы с именами. Тогда все налажено, и первое же сочетание [имени с глаголом] становится тотчас же речью — в своем роде первую и самую маленькую из речей»⁷⁴. Таким образом, Платон приходит к принципам выделения, как мы бы теперь сказали, элементарного высказывания. Кроме того, указанное деление позволяет проводить различие истинных и ложных высказываний: при сочетании имени с одними глаголами мы получаем истинное высказывание, при сочетании с другими — ложное. Сами же по себе имена и глаголы ни истинны, ни ложны.

По наблюдению И. А. Перельмутера⁷⁵, в ранних диалогах Платон пользуется термином ῥῆμα достаточно разнообразно, применяя его как к отдельным словам, так и к целым высказываниям, и не связывая с ним, соответственно, никакого особенного значения помимо того, которое можно назвать «словесным выражением» вообще. Лишь в диалогах зрелого периода это понятие получает более узкое (но отнюдь не тождественное современному) значение, причем оно упоминается, как правило, в соотнесении с ὄνομα. Также и И. Троцкий отмечает, что ῥῆμα, или «речение», означало обыкновенно «словосочетание», как нечто среднее между именем и речью⁷⁶.

Общая позиция Платона в отношении речи и ее места в познании находит отражение в поздних его работах. Так, в «Законах» (895d) Платон выделяет три следующих аспекта рассмотрения всякой вещи: во-первых, ее сущность, во-вторых, определение (логос), и, в-третьих, имя. Само же познание вещи движется от имени, через определение (речь), составленное из имен и глаголов, к сущности. Имя, соответственно, есть самая начальная ступень познания вещи. И действительно, естественным ответом всякого человека на вопрос: «знаешь ли ты, что (кто) это?» — будет указание имени. Речь (логос), а значит, определение, в платоновской терминологии представляет собой уже более высокую ступень познания, и оно также отвечает на вопрос: «что (кто) это?», — но уже с оттенком

⁷⁴ Там же, 262b–c.

⁷⁵ Перельмутер И. А. Платон // История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1970.

⁷⁶ Троцкий И. Указ. соч. С. 21, 25.

смысла «каково это?», поэтому определение слагается из имен и глаголов, т. е. указывает на действия исследуемой вещи. Наконец, сущность есть тот предел, к которому стремится познание.

Еще в более разветвленном виде эта схема представлена в седьмом письме Платона: «Для каждого из существующих предметов есть три ступени, с помощью которых необходимо образуется его познание; четвертая ступень — это само знание, пятой же должно считать то, что познается само по себе и есть подлинное бытие: итак, первое — это имя, второе — речь, третье — изображение, четвертое — знание. Если ты хочешь понять, что я говорю, возьми какой-нибудь один пример и примени его ко всему. Например, “круг” — это нечто производимое, и имя его — то самое, которое мы произнесли. Во-вторых, его определение составлено из имен и глаголов. Предложение: “То, крайние точки чего повсюду одинаково отстоят от центра”, — было бы определением того, что носит имя “круглого”, “закругленного” и “окружности”. На третьем месте стоит то, что нарисовано и затем стерто или выточено и затем уничтожено. Что касается самого круга, из-за которого это все творится, то он от всего этого никак не зависит, представляя собой совсем другое. Четвертая ступень — это познание, понимание и правильное мнение об этом другом. Все это нужно считать чем-то единым, так как это существует не в звуках и не в телесных формах, но в душах; благодаря этому ясно, что оно — совершенно иное, чем природа как круга самого по себе, так и тех трех ступеней, о которых была речь выше. Из них понимание наиболее родственно, близко и подобно пятой ступени, все же остальное находится от нее много дальше»⁷⁷.

Итак, речь и все, что с ней связано, составляют низшую, но, тем не менее, необходимую ступень познания — таково общее мнение Платона, достаточно близкое в этом отношении, как можно видеть, взглядам элеатов. Это подтверждается и местом, которое учение о речи занимает в диалогах Платона: как правило, те или иные положения он приводит лишь для иллюстрации или подтверждения более существенных, по его мнению, вопросов. Так, например, исследование правильности имен в «Кратиле» служит прояснению платоновского учения об идеях, а различение частей речи в «Софисте» предназначено для обоснования учения о соотношении бытия

⁷⁷ Платон. Письма. 342a-d (пер. С. П. Кондратьева).

и небытия. И то, и другое направлено на достижение той предельной, пятой ступени познания, где уже нет нужды ни в имени, ни в речи, ни в изображениях. На схожих позициях стояли и ранние академики, практически ничего не добавившие к диалектическому учению Платона и занимавшиеся главным образом делениями и определениями; исключение среди первых академиков составил, разумеется, Аристотель.

Итак, подводя итоги первого этапа оформления языковой теории, можно сказать, что приблизительно ко времени Аристотеля диалектическое учение о речи выглядело уже достаточно разработанным. В отношении видов речи общее движение мысли шло к выделению таких словесных выражений, которые могли бы быть квалифицированы как истинные и ложные, чего еще не предполагалось первоначальным разделением речи на вопрос, ответ, просьбу и приказание, предложенным Протагором. И напротив, мегарики пришли к выделению аксиом, а Платон — к составлению из имен и глаголов предложений (*λόγοι*), которые он разделял, в свою очередь, на утверждение и отрицание. Таким же образом и мегарские философы делили аксиомы на утвердительные и отрицательные и, кроме того, на простые и сложные, а сложные — на условные, разделительные и соединительные. Что касается учения о частях речи, то здесь определяющее значение имело различие имени и глагола, намеченное, судя по всему, еще Протагором и развитое Платоном. Протагором же были выделены роды имен и времена глагола — настоящее, прошедшее и будущее. Кроме того, в Мегарской школе были выделены подлежащее и сказуемое (категорема), проведено различие между выражением совершенного и продолжающегося действия.

§ 4. Учение Аристотеля о речи

Основы языковой теории Аристотеля

Грамматикой как таковой в свои зрелые годы Аристотель, конечно, не занимался, а кроме того, резко отрицательно относился к попыткам придать буквам какой-либо посторонний смысл, как это видно из его отзыва о пифагорейцах, приведенного в предыду-